

Глава 10: «Папина порка» и наказание имбирем в качестве компенсации за то, что кончил до вечера

После многих дней тренировок мужчины семьи Е, наконец, перестали ограничивать эякуляцию Е Цина, но яростно просили его сдерживаться самостоятельно. В любом случае, по их словам, это было сделано для здоровья Е Цина, поэтому, даже если Е Цин и смотрел на них слезящимися глазами и умолял о пощаде, никто не был мягкосердечен, чтобы позволить ему.

Но сегодня Е Цин, наконец, оправдал их злые ожидания и кончил.

На самом деле причина была очень проста. С ним был тот же человек, но место было изменено на вестибюль.

Е Цин был обнажен и его ласкали руки Е Чжисюаня, но на этот раз все его маленькие дырочки были свободны, только его задняя дырочка была заполнена Е Чжисюанем, время от времени мягко вторгавшимся в нее.

Е Цин довольно устроился на руках своего папы, наслаждаясь редкими нежным занятием любовью, которые ему нравились. Папочка делал ему так хорошо и приятно~ Он не будет вынужден стрелять из-за того, что его слишком сильно трахают, поэтому его не нужно будет наказывать.

Е Цин послушно лизнул подбородок Е Чжисюаня и кадык, интимно показывая свою любовь, а иногда и сладко восклицая: «Люблю так сильно~ Малыш любит папу, о~»

В ответ Е Чжисюань нежно погладил его.

Е Чжисюань рассеянно пролистывал бумаги, которые читал. Теперь финансовые отчеты действительно становились все более и более напыщенными. Рост за полгода был на 300%, так почему бы ему не хватиться за шанс.

Чувствуя напряжение, нижняя часть его тела машинально врезалась в похотливую дырочку его малыша.

Невинный Е Цин прищурил глаза и неторопливо наслаждался в объятиях папы, но как он мог устоять перед внезапным и сильным наслаждением... поэтому с криком он неожиданно кончил.

Когда он понял, что сделал, он широко открыл глаза и в ужасе уставился на своего папу.

И действительно, тот посмотрел на лужицу молочной жидкости на своих брюках, и лицо его почернело.

Е Чжисюань, не обращая внимания на бушующую нижнюю часть тела, поднял маленького непослушного малыша, сидящего на его члене, и опустил Е Цина на землю. Затем он начал снимать ремень.

Хотя Е Цин был милым, но он не был глупым. Глядя на действия Е Чжисюаня, было очевидно, что он не пытался снять штаны, чтобы трахаться, а хотел развязать ремень и наказать его.

Он начал плакать, но его папа был очень решительно настроен избить его. Он обнял ноги Е Чжисюаня и начал тереться о папу: «Малыш был неправ, такое больше не повторится... уууу-просто пусть это будет за сегодняшний вечер, ладно? Малыш не посмеет кончить ещё раз, ууууу»

Е Чжисюань посмотрел на него холодно, равнодушно. Эта кроха родилась преждевременно, и после многих лет заботливого воспитания он, наконец, поправился. Для его же блага ему не давали кончить, но он был непослушен.

Он держал ремень и взмахнул им несколько раз и обнаружил, что поза Е Цина на коленях не подходит для того, чтобы размахивать «хлыстом». Поэтому он бессердечно приказал: «Вставай».

Е Цин мог бы согласиться на то, чтобы его избили на коленях. В лучшем случае его только хлестнули бы по спине, хотя боль могла бы быть невыносимой, он не мог избежать ее; но если он встанет, то папа сможет ударить его, куда захочет.

Однако, несмотря на мысли в его сердце, его тело, честно говоря, не осмелилось сопротивляться и встало, готовое к ударам Е Чжисюаня.

«Папа, будь полегче, ладно~ у-у, Цинцин будет послушным~» Е Цин все еще пытался молить, его слезящиеся глаза смотрели на Е Чжисюаня, который держал ремень.

Но чем более жалким он был, тем больше злилось сердце Е Чжисюаня. Малыш, которого он так любил, не умел дорожить своим телом! Он снова холодно сказал: «Встань».

Еще до того, как он договорил, ремень со свистом обрушился на симпатичную маленькую попку. На нежной белой плоти со скоростью, видимой невооруженным глазом, появилась красная и опухшая отметина «кнута».

«Ааа!! Как больно. У-у-у... Папа, успокойся~ ууу...» закричал Е Цин, и он не мог не напрячься.

Однако это только вызвало недовольство Е Чжисюаня. «Расслабься!»

Он просто хотел преподать этой маленькой шлюхе урок. Ничего страшного, если ему будет больно, но все его тело было слишком напряженным. Что ему делать, если так он

действительно сломает его.

С острой болью в заднице и тревогой ожидания следующего удара, как Е Цин мог расслабиться?

«Последний шанс, расслабь свое тело».

«У-у... Цинцин боится...» Е Цин был очень огорчен, как он мог расслабиться? Это же не его папа получал побои.

Е Чжисюань посмотрел на него и сказал: «Ты вынуждаешь меня, детка».

Он бросил ремень на диван и пошел на кухню. Естественно, Е Цин не думал, что это конец, он так нервничал, что чуть не плакал. Он не знал, с чем его папа вернется и как поиграет с ним.

Через некоторое время Е Чжисюань вернулся, но с кусочком имбиря длиной около 10 см и шириной в самом узком месте 2 см.

Е Цин хотел спрятаться, когда увидел, что было в руке его папы, но не посмел! Хотя его никогда не наказывали с помощью имбиря, он знал, насколько болезненным будет это наказание. В конце концов, имбирь был такой странной штукой. Если его засунуть в его маленькую дырочку, он наверняка умрет. У-у-у...

Е Чжисюань усадил младшего сына себе на бедро, а затем засунул имбирь ему в задний проход, пока имбирь не закрепился внутри. Он сказал: «Я не думаю, что ты сможешь удержать его крепко».

Е Цин уже был в бреду в тот момент, когда имбирь коснулся его маленькой дырочки. Чувство действительно сделало его неспособным вынести это. Даже ощущение жжения от прикосновения имбиря не заставило его почувствовать хоть немного. Вместо этого мгновенная стимуляция почти заставила его потерять сознание.

В этот момент Е Чжисюань, не колеблясь, потянул его, чтобы поднять. "Стой твердо." Он недовольно поддержал шаткого Е Цина. «Если ты посмеешь упасть, я подвешу тебя и выпорю».

«У-у-у, не надо...»

Бедный Е Цин сгорал чуть не насмерть от сжигения заднего прохода, но он все еще ждал, когда ремень его господина ударит его.

«Па!» Четкий звук пришел со шлепком по белой спине Е Цина.

«Ах!!!» Е Цин закричал и невольно напрягся всем телом. Но вдруг он закричал еще отчаяннее. «Папочка! Спаси ребенка, ах...» Его резкое сжатие, несомненно, дернуло имбирь внутри него, его соки, смешанные с прикосновением имбиря, проникли глубже в стенки его кишечника.

В этот момент слезы Е Цина уже нельзя было остановить, и ему пришлось отчаянно контролировать свое тело, чтобы расслабиться. Но это только помогало жестокому Е Чжисюаню, который почти безжалостно размахивал своим ремнем. Соски Е Цина опухли от удара, и внутренняя поверхность его бедер также получила несколько ударов. Хуже всего было его ягодицам, которые были вынуждены расслабиться, а над ними по всему телу были следы от ремня. Скорее всего, что когда наступит завтра, все это будет заполнено синими и фиолетовыми синяками.

Е Цин очень сильно страдал не только из-за того, что ремень снова и снова хлестал его тело, но и из-за жжения в его маленькой дырочке. Теперь, когда он, наконец, привык к этому, это также принесло пугающий зуд.

«У-у-у...» Е Цин не мог не взмолить о пощаде. «Папа... Цинцин понял, что был неправ, не бей больше... так чешется, у-у-у. Папа, просто трахни Цинцина, не бей больше, а~ у-у...»

Е Чжисюань на самом деле не хотел сломать его, и его сердце тоже чувствовало, что этого должно быть достаточно. Увидев плачущего кокетливого малыша, он подумал, что тот, вероятно, усвоил урок. Поэтому он бросил ремень на пол и схватил жалкое создание на руки.

В это время, даже если этот малыш и был весь избит и в синяках, он не забывал выпрашивать трах. «Папа~ трахни Цинцина, ах~ так чешется, очень чешется~~ ооо.....»

Мягкость Е Чжисюаня уже давным-давно скормили собакам. Он расстегнул молнию и сразу вошел. Он начал вонзаться без пауз, но не забыл предупредить: «Все еще посмеешь кончить?»

«У-у... Цинцин больше не посмеет, папа выпорот Цинцина~ у-у-у...» Е Цин на самом деле не заботился о безжалостных ударах Е Чжисюаня. Он просто хотел, чтобы его затрахал до смерти большой член, чтобы остановить зудящие укусы десяти тысяч муравьев в его похотливой маленькой дырочке.

Бедный маленький похотливый ребенок, которого раньше хлестали по распухшей и покрасневшей попке, теперь энергично трахал и манипулировал мужчиной. Все его тело ощущало и боль, и наслаждение, давно уже возносившее его на небеса. Он лишь смутно помнил, что нельзя эякулировать, иначе он боялся, что его заиграют в постели до смерти.